

Настроения русской интеллигенции в начале Русско-японской войныⁱ.

Ляоян, Шахэ, Мукден, Цусима... Звучащие чуждо для русского слуха географические названия обозначали болезненные точки исторической памяти и уязвленного национального самосознания современников Русско-японской войны.

"Там ласточкой реет

Старая боль",

- скажет Анна Ахматова строками поэмы "Путем всея земли" через тридцать пять лет после гибели "Варяга", "Петропавловска" и капитуляции Порт-Артура.

Колониальный инцидент ("маленькая победоносная война")ⁱⁱ на восточной окраине обширной империи превратился в трагедию настоящей войны с огромными человеческими потерями и национальным унижением. Она, кроме того, стала не только революционизирующим обществом фактором, но и важнейшим событием ментального плана.

Эта "ужасная война", "несчастливая и постыдная", как определял ее С. Ю. Витте в своих воспоминаниях уже *post factum*, подорвала чувство "географического империализма", не говоря уже о дискредитации популистского национализма. Сместилась шкала приоритетов на оси Запад - Восток, Европа - Азия и была подвергнута переоценке - сознательной и бессознательной - позиция европоцентризма в самом широком спектре: от интеллектуальных конструктов ("ориентализм", "экзотизм" и пр.) и культурно-психологических предпочтений до бытового поведения.

Сложившуюся ситуацию, а также настроения в русском обществе убедительно иллюстрирует мемуарное свидетельство художника и искусствоведа А. Н. Бенуа. Объекты нескрываемой иронии этого европейца-интеллектуала, в том числе направленной и на самого себя, - культурные стереотипы "европейского" восприятия Японии, конструируемый в соответствии с ними "образ врага", а также военная риторика колониального дискурса:

"Новый 1904 год начался фортиссимо - с грохота внезапно начавшейся войны с японцами. (...) Это была первая настоящая война, в которую была втянута Россия после 1878 г., но за совершенно настоящую ее никто вначале не считал, а почти все отнеслись к ней с удивительным легкомыслием - как к какой-то пустяшной авантюре, из которой Россия не может не выйти победительницей. Подумайте. Эти нахалы япошки, макаки желтомордые, и вдруг полезли на такую махину, как необъятное государство Российское с его более чем стомиллионным населением. У меня и у многих зародилось даже тогда подобие жалости к этим "неосторожным безумцам. Ведь их разобьют в два счета, ведь от них ничего не останется, а если война перекинется к ним на острова, то прощай все их чудесное искусство, вся их прелестная культура, которая мне и друзьям особенно полюбилась за последние годы. Полюбилась она настолько, что многие из нас обзавелись коллекцией японских эстампов, а Хокусаи, Хиросиге, Куниоси, Утамаро стали нашими любимцами. (...)"

Недолго, однако, пребывало русское общество в неведении настоящей силы нового, презренного врага. (...) И вот, постепенно положение стало меняться, а после гибели "Петропавловска" и битв при Ляояне и Мукдене, после ряда отходов "на заранее укрепленные позиции" - японцы "макаки" перестали быть смешными, русское общество вспомнило о воинском духе и воинских доблестях этой "страны самураев" и поняло, что надо дать достойный отпор. (...) Война становилась в некотором смысле "популярной", перестала быть каким-то "колониальным недоразумением"ⁱⁱⁱ².

Можно сказать, что Русско-японская война изменила, прежде всего, ранее существовавшие ментальные границы по отношению к "Востоку".

Этого было достаточно, чтобы актуализировать историческую мифологию В. С. Соловьева (см. об этом ниже): аналитика реальности подменяется мифологемами, появляется еще одна "фигура аффекта" - "призрак красного дракона, несущегося на нас с Востока".^{iv} Апокалиптические настроения - "Лик безумия, сходящий в мир" - в этот период оформляются у писателя в фантазме "желтой опасности"^v. Весьма показательна экспрессивность стихотворения "Японец, возьми", сюжет которого демонстративно спроецирован на "Панмонголизм" (1894) Соловьева и представлен как его реализация во времени.

Муха жужукает в ухо,
Пыльная площадь - пуста...
В пригород, тукнувший глухо,
Желтая ступит пята.
В блеск восходящего солнца,
Став под окошко тюрьмы,
Желтая рожа японца
Выступит скоро из тьмы.
Крик погибающих братьев
Встанет в пустой балалай,
Лай наступающих ратей
Слышишь ли, царь Николай?
Тухни, - помойная яма!
Рухни, - российский народ!
Скоро уж маршал Ояма
С музыкой в город войдет.^{vi}

В эту новую литературную конфигурацию попадает и роман Белого "Петербург", который можно рассматривать как аффективно-дискурсивную реакцию на Русско-японскую войну. Здесь концепт "желтая опасность", последовательно проведенный на разных уровнях текста, превращается в один из базовых концептов повествования.

Для символистов-"соловьевцев" война стала точкой встречи с миром и усилила трудный процесс самоидентификации, в том числе - освобождения от мистифицированных книжных абстракций.

Трагические события, подобные гибели броненосца "Петропавловск", унесшей жизни 650 человек, переживались, например А. Блоком, в сложной духовной работе открытия себя-иного. Его ответ (7 апреля 1904 года) Андрею Белому на письмо (около 28 марта 1904 года), исполненное чувства метафизической тревоги ("страшной опасности"), фиксирует аффективную реакцию на происходящее, а, следовательно, границу изменения: "Я не добросил молота - но небесный свод сам раскололся. И я вижу, как с одного конца ныряет, и расползается муравейник положим расплюснутых сжатым воздухом в каютах, сваренных заживо в нижних этажах, закрученных неостановленной машиной (меня "Петропавловск" совсем поразил), - а с другой - нашей воли, свободы, просторов. И так везде - расколотость, фальшивая для себя самого двуличность, за которую я бы отомстил, если б был титаном, а теперь только заглажу ее. - Как видишь, я пишу несвязно. Я окончательно потерял последнюю веру в возможность точности в окончательном".^{vii}

Мы оставляем в стороне обширную литературу социального критицизма и реалистического психологизма, порожденную войной, а также литературу "человеческого документа": рассказы, очерки, повести, дневниковые и путевые записки В. Вересаева, А. Куприна, Н. Гарина, В. Короленко, В. Немировича-Данченко, А. Новикова-Прибоя и многих других писателей разной степени таланта и известности, непосредственных участников военных действий, очевидцев или просто современников событий на Дальнем Востоке. Отметим только, что массив литературы, почти не тронутый современным научным дискурсом, требует актуального анализа и реинтерпретации.^{viii}

Н.Ю. Грякалова.

ⁱ Выдержки из статьи Н. Ю. Грякаловой «Война на Востоке и кризис европейских ценностей: Евроазиатский маршрут Максимилиана Волошина» (журнал «Русская литература», 2004. № 3.-С.29-39).

ⁱⁱ Слова одного из сторонников эскалации конфликта на Дальнем Востоке, министра внутренних дел фон Плеве: "Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война" (Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 291).

ⁱⁱⁱ 2 Бенуа Александр. Мои воспоминания: В 5 кн. М., 1990. Кн. 4. Гл. 48. С. 396, 397. Ср. приводимое С. Ю. Витте свидетельство: "В первое время обыкновенное выражение его (Николая II) в резолюциях было "эти макаки". Затем это название начали употреблять так называемые патриотические газеты, которые в сущности содержались на казенные деньги" (Витте С. Ю. Указ. соч. Т. 2. С. 292). См. также воспоминания В. Н. Коковцева, на начало войны занимавшего пост министра финансов, "Из моего прошлого. Воспоминания 1903 - 1919 гг." (М., 1992. Кн. 1).

^{iv} Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 410 (статья "Апокалипсис в русской поэзии", 1905).

^v Желтая опасность" - название книги (1901) французского экономиста Э. Тери.

^{vi} Белый Андрей. Собр. соч. Стихотворения и поэмы. М., 1994. С. 424. Ср. у Соловьева: "О, Русь! Забудь былую славу: / Орел двуглавый сокрушен, / И желтым детям на забаву / Даны клочки твоих знамен".

^{vii} Андрей Белый и Александр Блок. Переписка: 1903 - 1919. М., 2001. С. 138.

^{viii} Из советских работ, выдержанных в соответствующем официальном дискурсе, укажем на довольно обстоятельный обзор П. С. Выходцева "Русско-японская война в литературе эпохи первой русской революции" в академическом сборнике, приуроченном к полувековому юбилею революции 1905 года (Революция 1905 года и русская литература / Под ред. В. А. Десницкого и К. Д. Муратовой. М.; Л., 1956. С. 280 - 320).